

Известия Алтайского государственного университета. 2024. № 2 (136). С. 69–77.

Izvestiya of Altai State University. 2024. No 2 (136). P. 69–77.

Научная статья

УДК 94

ББК 63.3(0)

DOI: 10.14258/izvasu(2024)2-10

Участие сибирского казачества в обеспечении интересов России в Средней Азии в первой половине XIX в.

Игорь Русланович Прохоров

Национальный архив Республики Казахстан, Астана, Казахстан,
prohorov1974@mail.ru

Original article

Siberian Cossacks' Participation in Ensuring Russia's Interests in Central Asia in the First Half of the 19th Century

Igor R. Prokhorov

National Archive of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan,
prohorov1974@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу роли сибирского казачества во внешней политике России в Средней Азии в первой половине XIX в. Выгодное географическое положение северо-востока Казахской степи позволяло России рассчитывать на успех в конкурентной экономической борьбе с другими европейскими странами за рынки сбыта. Речь шла в первую очередь о торговом соперничестве с Англией — первым конкурентом России в Средней Азии. Преимущество России заключалось в том, что только она могла вести сухопутную торговлю с внутриконтинентальными районами Китая и Индии, Бухарой, Кокандом, Хивой. Россия еще со времен Петра I взяла курс на караванную торговлю со Средней Азией через территорию Казахстана, считая его «воротами в Азию». С постройкой новой Ишимской пограничной линии Коллегия иностранных дел впервые предложила Сенату Российской империи пропускать караваны из Троицка в Семипалатинск вблизи новых укреплений, то есть по северо-восточному Казахстану. Сибирские казаки сыграли решающую роль в развитии и упрочении внутриконтинентальной торговли России со странами Средней Азии и Китаем. Казаки охраняли караваны и купцов, возводили опорные пункты торговли и российской администрации в Казахской степи. Они стали основной движущей силой реализации положений «Устава о сибирских киргизах». Расположенные в Казахской степи казачьи станицы и поселки позволили прекратить вмешательства среднеазиатских государств в жизнь казахов, обеспечили мирное развитие казахских земель под властью России.

Abstract. The article analyzes the role of the Siberian Cossacks in Russia's foreign policy in Central Asia in the first half of the 19th century. The favorable geographical position of the north-east of the Kazakh steppe allowed Russia to count on success in the competitive economic struggle with other European countries for sales markets. It was primarily about trade rivalry with England, Russia's first competitor in Central Asia. Russia had the advantage of being the only country that could conduct land trade with the inland areas of China and India, Bukhara, Kokand and Khiva. Since the time of Peter the Great, Russia has set a course for caravan trade with Central Asia through the territory of Kazakhstan, considering it a "gateway to Asia". With the construction of the new Ishim border line, the Board of Foreign Affairs for the first time proposed to the Senate of the Russian Empire to allow caravans from Troitsk to Semipalatinsk near the new fortifications, that is, through northeastern Kazakhstan.

Siberian Cossacks played a crucial role in the development and consolidation of Russia's intra-continental trade with Central Asian countries and China. Cossacks guarded caravans and merchants, erected strong points of trade and Russian administration in the Kazakh steppe. They became the main driving force behind the implementation of the provisions of the "Charter on Siberian Kyrgyz". Located in the Kazakh steppe, Cossack villages and settlements made it possible to stop the interference of Central Asian states in the life of Kazakhs, ensured the peaceful development of Kazakh lands under the rule of Russia. At the same time, at the initial stage, the establishment of Cossack settlements in the steppe

Вместе с тем на начальном этапе устройство казачьих поселений в степи и последовавшие за этим вооруженные столкновения казаков с казахами стали поводом к восстанию султана Кенесары Касымова.

Ключевые слова: сибирские казаки, сибирская пограничная линия, Саржан Касымов, Кенесары Касымов, казахи, «Устав о сибирских киргизах», внешние округа, Акмоллы, военный министр Чернышев, император Николай I

Для цитирования: Прохоров И.Р. Участие сибирского казачества в обеспечении интересов России в Средней Азии в первой половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2024. №2 (136). С. 69–77. DOI: 10.14258/izvasu(2024)2-10.

Введение

В начале XIX в. Россия, вследствие осложнения ситуации в Европе, поиска рынков сбыта для товаров собственной промышленности и источников сырья, была существенно заинтересована в развитии торговли с Китаем и среднеазиатскими государствами — Кокандом, его полунезависимым Ташкентским владением, Хивой, Бухарой, Индией, Персией. Торговые караваны активно снаряжали в российских сибирских городах, много было сделано для расширения международной торговли руководством сибирской пограничной линии.

Однако в Средней Азии ситуация в то время не отличалась стабильностью. Завоевание Кокандом Ташкентского владения привело к массовому оттоку жителей Ташкента в российские пределы, беженцы оседали в крепостях сибирской пограничной линии. Вскоре также выяснилось, что не может быть и речи об отправке российских торговых караванов в азиатские страны без военного прикрытия. Такую роль должно было взять на себя Сибирское казачье войско, действовавшее в составе Отдельного Сибирского корпуса. В казаки было зачислено свыше двух тысяч солдатских детей. Также в Сибирское казачество включили переселенных в Сибирь донских и запорожских казаков. Следовательно, надежный воинский костяк, боевой дух, отвага, стойкость и опыт военной службы у сибирских казаков были. Впрочем, были среди казаков, конечно, в меньшинстве, и ссыльные преступники, и люди, считавшиеся в империи неблагонадежными [1, с. 27].

19 августа 1808 г. был издан указ о формировании Сибирского линейного казачьего войска общей численностью 5950 человек. Казаки были обязаны служить с 17-летнего возраста пожизненно. Они получали земельный надел по 6 десятин на душу, жалованье по 6 рублей 16,5 копеек. Войско представляло собой отдельное, компактно расселяющееся сословие со своими привилегиями и органами управления. На него была возложена охрана сибирской границы с Казахской степью [2, с. 26].

and the subsequent armed clashes between Cossacks and Kazakhs became the reason for the uprising of Sultan Kenesary Kasymov.

Keywords: Siberian Cossacks, Siberian border line, Sarzhan Kasymov, Kenesary Kasymov, Kazakhs, "Charter on Siberian Kirghiz", outer districts, Akmolles, Military Minister Chernyshev, Emperor Nicholas I

For citation: Prokhorov I.R. Siberian Cossacks' Participation in Ensuring Russia's Interests in Central Asia in the First Half of the 19th Century. *Izvestiya of Altai State University*. 2024. №2 (136). P. 69–77. (In Russ.). DOI: 10.14258/izvasu(2024)2-10.

Актуальность статьи определяется процессами возрождения казачества в современной России, а также глобальным экономическим поворотом России с Запада на Восток, всемерным развитием торгового партнерства с Китаем, Индией, государствами Средней Азии. В таких условиях история взаимоотношений России с Востоком посредством сибирской границы приобретает значительный интерес.

Методы исследования

В статье применен проблемно-хронологический метод, позволивший проследить изменения военно-политической ситуации в регионе, а также выделить составляющие этого процесса. Кроме того, был использован принцип системности, который позволил рассмотреть политические особенности на территории, прилегающей к сибирской границе России, в Казахской степи и Средней Азии как единый процесс. Следует отметить, что помимо специальной литературы, основным историческим источником послужили документы, выявленные автором статьи в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). В частности, в фонде 1 «Канцелярия Военного министерства» имеются сведения об образовании внешних округов Омской области, планах сибирского и оренбургских военных губернаторов в Казахской степи, принятии «Устава о сибирских киргизах». Также в этом фонде собраны материалы о развитии караванной торговли в регионе, сопровождаемой военным прикрытием, роли сибирского казачества в обеспечении интересов России, отношениях с казахскими и среднеазиатскими правителями.

Полученные результаты и их обсуждение

Положение в регионе в начале XIX в. и задачи, стоявшие перед Отдельным Сибирским корпусом, зачастую далеко не военные, достаточно подробно характеризуют документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Так, в фонде 1 «Канцелярия Военного министерства» сохрани-

лись сообщения командира Отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенанта Григория Глазенапа. К примеру, в докладе на имя императора, поступившем в канцелярию Военного министерства 25 июня 1819 г., он отмечает: «Междоусобные раздоры и поражение, коему подвержено ныне ташкентское владение от какандцев, довело народ до такой крайности, что он оставляет свое отечество и отправляется в пределы, управляемые Россией. Из беженцев составилась значительный класс торговых людей на Сибирской пограничной линии, занимающихся весьма значимой для государства полезной промышленностью. Усматривая благоприятный случай к приобретению таковых новых подданных, я всемерно старался приглашать из Ташкента жителей с такими обнадеживаниями, что жизнь и имущество их в России будет защищено законом и дастся им случай обрести свои выгоды посредством торговли. Следствием этих стараний умножились на линии верноподданные ташкентцы и довольно число следует из-за границы сюда» [3, л. 2].

Однако для развития торговли и переселения беженцев на сибирскую пограничную линию появились серьезные препятствия. Торговые пути на северо-востоке проходили через владения казахских правителей Среднего жуза. Они давно уже считались подданными России, на самом же деле фактически были независимыми правителями.

Формально хан Абулмамбет и султан Аблай приняли российское подданство еще в 1740 г. в Оренбурге в ходе визита к начальнику оренбургской комиссии В.А. Урусову [4, с. 151].

Однако Аблай, ставший после Абулмамбета ханом Среднего жуза, признавал себя, по необходимости, подданным то российским, то китайским. В 1771 г. Аблай был избран на общекзахском курултае ханом всех казахов безо всякого уведомления русского и китайского правительств. Формальное прошение об утверждении себя ханом он отправил в Петербург только в 1777 г. со своим сыном султаном Тугумом. В 1778 г. Аблай был утвержден Екатериной II ханом только Среднего жуза [5, с. 91].

Через год после смерти Аблая китайское правительство признало ханом Среднего жуза его старшего сына Вали. Русское правительство было оповещено об этом самим Вали. Но этому факту не придавалось особого значения. Россия уже готовила отмену ханской власти и создание внешних округов Омской области в Казахской степи Среднего жуза с целью постепенного включения казахских земель в общероссийскую систему управления и создания благоприятных, безопасных условий для транзитной торговли через Казахстан в государства Средней Азии и Китай.

О реальном содержании подданства иностранным державам казахского правящего класса того времени ясно сказал знаменитый русский исследователь

Казахской степи XIX в. Алексей Левшин: «...покорность его чужеземным правителям рождается, изменяется и оканчивается вместе с нуждами: переходя от границ наших к пределам Хивы или Китая, делается он из русского подданного китайским, или хивинским, а приезжая в Ташкент или Коканд, называет себя ташкентским, кокандским и проч. Частые нападения на военные линии наши, отгоны лошадей, увлечение в плен людей, разграбление караванов, сражения с нашими отрядами и множество подобных происшествий показывают, какое понятие имеют киргизы (казахи. — И.П.) о подданстве своему России. Также поступают они и с другими соседственными державами, которые называют их подданными своими» [6, с. 362].

Интересны в этой связи оценки современных казахстанских исследователей дипломатии и подданства степных властителей. К примеру, китаевед Клара Хафизова считает, что наследники хана Аблая не ставили целью полное отделение от Российской империи, предпочитали оставаться в ее составе, но в качестве властителей полунезависимого владения. К их числу относится и наиболее радикальный из них — султан Кенесары Касымов, внук Аблая, десять лет воевавший не с царем, как он говорил, а со злоупотреблениями его пограничных властей. Губайдулла — другой внук Аблая, сын хана Вали от его второй жены Айганым, не считал, к примеру, что совершил предательство, когда после принесения присяги России в качестве старшего султана, откликнулся на инициативу китайских властей признать его ханом. Он рассматривал получение ханского титула от китайцев, указывает Клара Хафизова, в качестве возможности сохранения казахской государственности. Только окруженный отрядом казаков, срочно отправленных для пресечения его встречи с китайскими послами, Губайдулла написал отказ от получения китайского патента на титул хана [7, с. 29].

Ранее советский исследователь Владимир Моисеев отмечал, что в обмен на формальное принятие российского подданства хан Аблай на протяжении 70-х гг. XVIII в. постоянно добивался от Оренбургской и Сибирской пограничных российских администраций военной поддержки. Аблай требовал войска и оружие для утверждения своей власти над независимыми от него родами Среднего и Старшего жузов. Он также требовал содействия своим планам по завоеванию Ташкента и соседних с ним земель Средней Азии. Обращаясь к императрице Екатерине II с прошением об утверждении за ним ханского титула, Аблай ставил конкретное условие своего приезда на сибирскую пограничную линию для принесения присяги на верность российскому престолу: военную помощь от русских пограничных командиров. В этих просьбах Аблаю было категорически отказано [8, с. 129].

Однако отметим, что Коканд, вместе со своим ташкентским владением, Хива, Бухара и Китай отнюдь не считали подданство казахов формальным, и при каждой возможности пытались утвердить свою власть в Казахской степи.

Вот в таких условиях России приходилось развивать торговлю и другие связи с восточными странами посредством сибирской пограничной линии.

Впрочем, международная транзитная торговля была выгодна и казахским правителям. Султан Абулфеис, который в Средней Орде почитался знатнейшим и разумнейшим, хотя Аблай в то время был ханом, посылал в 1764 г. в Петербург посла Баймурзу-батыра с прошением об учреждении в крепости Семиполатной торгов с казахами. Он также звал в эту крепость на торг купеческие бухарские и ташкентские караваны. Однако обеспечить их безопасность от разграбления во время следования в степи не смог, поскольку «многие киргизские (казахские. — *И.П.*) начальники, коих они называют «тюрями» (торе. — *И.П.*), ходящие караваны по необузданной своей вольности разбивают и разграбляют, отчего в коммерции чинилось великое помешательство» [9, с. 40].

Характерно в этой связи донесение командира Отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенанта Григория Глазенапа на имя императора, поступившее в канцелярию Военного министерства в июне 1819 г. «О злонамеренных поступках Киргиз-кайсацкой Средней орды султана Канбара» [3, л. 2].

В нем говорится, что «Киргиз-кайсацкой Средней орды Байжигитовской волости султан Канбар Шаниязов по всегдашней своей склонности к вражде и непокорности наглым образом захватил на пути следующих в крепость Семиполатинскую 35 семей ташкентцев, которые объявили желание быть поданными Его Императорского величества и навечно водвориться на сибирской линии» [3, л. 3].

Далее Григорий Глазенап поясняет, что ташкентцы настаивали на отпуске их в Россию, Канбар же приказал умертвить из них лучших трех человек, остальным объявил, что они будут навсегда его невольниками. Глазенап, осведомившись о столь неблагонамеренных и бесчеловечных поступках султана Канбара, трижды посылал к нему нарочных с письмами, требуя освобождения заключенных ташкентцев, указывая, что они под защитой России. Однако все настояния остались тщетными, Канбар, как указано в донесении, был непреклонным к послушанию, наполняя свои ответы грубостью и угрозами. Последнего письма Глазенапа Канбар и вовсе не принял. Султан заметил, что ему, Канбару, нет никакого дела переписываться с начальником сибирской линии. Над арестованными ташкентцами, по данным Глазенапа, Канбар учинил лютейшее тиранство и угнетение. Далее султан дошел до такой дерзости, что ограбил караван с товарами

семипалатинских ташкентцев, шедший из китайского города Кульджи, похваляясь тем, что он будет грабить все караваны и уничтожит здешнюю российскую торговлю. Поэтому «к обращению в кротость и послушание султана Канбара, и к выручке 35 семейств ташкентцев, и ограбленных товаров, также к обеспечению безопасности пути русским купеческим караванам, которые для торга весной 1820 года должны будут выйти с Сибирской линии в прилегающие азиатские провинции я (Глазенап. — *И.П.*) отправил в степь отряд из 300 казаков Сибирского линейного казачьего войска» [3, л. 3].

Глазенап докладывал императору о подробностях этой экспедиции. Отряд был под началом 8-го линейного казачьего полка ротмистра Вершинина, в его составе была также команда Усть-Каменогорского артиллерийского гарнизона с двумя легкими орудиями, возглавляемая поручиком Абрамовым. Одна часть отряда выступила за границу из Усть-Каменогорской крепости, другая — из форпоста Семиарского Семипалатинской дистанции. Пункт соединения им назначен был 10 мая при урочище Карабуя, от Сибирской линии в Тарбагатайских, где кочует султан Канбар. Ротмистр Вершинин получил инструкцию командира Отдельного Сибирского корпуса, согласно которой ему предписано «склонить султана Канбара и подвластных ему добровольно выдать пленных ташкентцев. Уклоняться всячески от кровопролития, но, если мятежники дерзнут покуситься на отряд вооруженною рукой, тогда стрелять по ним и поступать как с врагами государства. А самого султана Канбара или ближних его родственников, поймав, доставить на линию» [3, л. 4].

К сожалению, в архиве мы не нашли информации о том, чем же закончился этот поход за освобождение ташкентцев. Но таких примеров своеволия султанов при общей слабости ханской власти в Среднем жузе было множество. Российским властям нужно было принимать срочные меры, если они хотели сохранить торговлю со Средней Азией, а также обеспечить безопасность своей сибирской границы.

Итак, в 1819 г., после смерти хана Вали, Россия не признает более ханскую власть в Среднем жузе, т.е. принимает решение не утверждать в этом титуле казахских правителей. В 1822 г. принимается «Устав о сибирских киргизах», согласно которому управление переходило к утвержденным в чинах русской армии и избираемым казахской аристократией на должность правителей округов султанам. Практическое внедрение Устава растянулось до 1830-х гг., когда в Казахской степи были созданы внешние административные округа Омской области: Аягузский, Акмолинский, Баян-Аульский, Аман-Карагайский. Ранее, в 1824 г., были открыты Каркаралинский и Кокчетавский внешние округа.

Однако желанного спокойствия на первых порах эта реформа не принесла. Против нее активно выступила влиятельная аристократическая семья султана Касыма, младшего сына хана Аблая. Первоначально, с 1824 по 1836 г., противодействие России возглавил сын Касыма Саржан [10, с. 203].

В 1833 г., т.е. уже на следующий год после открытия Акмолинского округа, часть его населения бежала к пределам Ташкентского владения, оказав сопротивление при сборе ясака. Кроме того, они намеревались соединиться с султаном Саржаном Касымовым. Отряд Отдельного Сибирского корпуса в числе 550 человек при двух орудиях выступил в степь для преследования бежавших. Он вернул в подданство России 35 юрт [11, л.15]. Конечно, это была лишь малая часть казахов, ушедших с Кенесары в пределы Коканда.

В следующем, 1834 г., управляющий Ташкентским владением подчинявшийся Коканду кушбек (правитель) вознамерился привести в свое подданство подвластных России казахов Среднего жуза. Для этого он построил в горах Улытау укрепление Курган. Султан Саржан заключил с ним союз против России. Как мы уже отмечали, казахская знать ранее признавала подданство Коканда, но считала его формальным, в отличие от самих кокандцев.

В этой связи «выступивший из Акмолинского внешнего округа к Улытауским горам отряд сибирских казаков, напав на расположенное в горах киргизское (казахское. — *И.П.*) укрепление, разбил его и взял в плен защищавший его гарнизон» [11, л. 16].

После падения Кургана пленных ташкентцев, как сообщает акмолинский казак-краевед, заставили разбирать построенное ими же укрепление, затем, снабдив продовольствием на дорогу, отпустили домой [12, с. 20].

В 1836 г. ташкентский кушбек убил Саржана, поскольку последний попытался объединить под своей властью казахов Среднего и Старшего жузов, в том числе казахов, подвластных кушбеку [10, с. 206].

Однако ситуация во внешних округах в мирное русло не входила. В 1838 г. восстание продолжил брат Саржана — султан Кенесары Касымов, выступивший за возвращение ханской власти и отмену системы внешних округов. Для этого он призвал подданных России казахов откочевать из внешних округов на юг, в глубь степи [13, с.158].

На востоке, в Аягузском округе, восстал султан Сыбанкул.

Для лучшей защиты казахов, населявших внешние округа Омской области, Россией было возведено укрепление при урочище Актау в пятистах верстах к югу от Акмоллов, у самых границ Ташкентского владения. В 1839 г. действия войск Отдельного Сибирского корпуса были направлены на удержание в повиновении подвластных казахских султанов, большая часть которых начинала сомневаться в верности России, на пра-

вом фланге сибирской линии под влиянием Кенесары Касымова, а на левом фланге — султана Сыбанкула [13, л. 17].

Случалось, на сторону Кенесары Касымова переходили представители казахской знати, в верности которых российские власти не сомневались и продвигали их в органы власти внешних округов. К примеру, военному министру Чернышеву от командира Отдельного Сибирского корпуса Горчакова 2-го (сменившего на время Григория Глазенапа) 24 ноября 1838 г. поступило сообщение о том, что «заседатель Баян-Аульского приказа Азнабаев изменил долгу российской присяги и находится в скопище мятежника Кенесары. Отрядом войскового старшины Карбышева захвачено семейство Азнабаева, и чтобы лишить оное иметь сообщение с киргизами (казахами. — *И.П.*), Горчаков 2-й распорядился отправить это семейство на местожительство в город Туринск как пункт довольно удаленный от киргизской (казахской. — *И.П.*) степи» [14, л. 47–47 об.].

Следовательно, часть казахских знатных лиц действовала в зависимости от политической конъюнктуры. Когда российской власти ничего не угрожало, активно сотрудничали с ней. Когда же в степи появилась новая сила — Кенесары Касымов, то они переходили на его сторону.

В следующем, 1839 г., Отдельный Сибирский корпус планировал широкие наступательные действия на места расположения сторонников Кенесары. Военный отряд, состоявший из 600 сибирских казаков, одной роты пехоты и двух орудий казачьей артиллерии, был сосредоточен в Петропавловске, начальство над ним вверено корпусному обер-квартирмейстеру, полковнику Горскому, опытному в экспедициях такого рода. Он неоднократно уже начальствовал подобными отрядами [14, л. 48].

Оренбургский военный губернатор в феврале 1839 г. в дополнение о мятежных казахских султанах Сибирского ведомства Аблаевых уведомлял Военное министерство, что сведения о зимовке одного из них, отца, около Джиланчи Аккуля, и другого, сына, близ Улытау, подтвердились. Подтвердилось и то, что первый из них остановил шедший осенью из Троицка в Бухару караван и взял с него товаром 6 тыс. рублей, угрожая его вовсе разграбить [15, л. 8].

Восстание Кенесары Касымова разрасталось. Сообщение командира Отдельного Сибирского корпуса, датированное февралем 1839 г., свидетельствует, что русские опорные пункты, населенные сибирскими казаками, во внешних округах Омской области оказались в изоляции: «Высочайше утвержденною инструкцией Актаускому коменданту окружные приказы Акмолинский, Каркаралинский и Аягузский должны обо всех происшествиях немедленно доносить и руководствоваться его разрешениями. Но так как в настоящих обстоятельствах не представилось возможности

сохранить прямые сообщения между Актау и окружающими приказами Каркаралинским и Аягузским, не подвергнув явной опасности слабые и на большом расстоянии растянутые посты, то Актаускому коменданту должно вести переписку с означенными двумя приказами не иначе как через Петропавловск, Омск и Семипалатинск» [15, л. 56].

По этим причинам командир Отдельного Сибирского корпуса решил, что пока не будут восстановлены прямые сообщения, освободить Актауского коменданта от наблюдения за соблюдением спокойствия в Каркаралинском и Аягузском округах, предоставив им руководствоваться непосредственно разрешениями пограничного начальника [15, л. 57].

В это же время Оренбургский военный губернатор Василий Перовский сообщал императору Николаю I, что все сведения, получаемые из Казахской степи, подтверждают открытую вражду к россиянам хивинцев. Хива, избавившись от угрожаемой ей мести персов, пыталась восстановить против России казахов. Так, сподвижник убитого осенью 1838 г. Исатая Тайманова, руководившего восстанием казахов во Внутренней (Букеевской) Орде, Махамбет Утемисов «беспрестанно рассылал по Орде возмутительные письма, требуя именем Хивинского хана, чтобы казахи отложились от русских и откочевали от их пределов» [15, л. 57].

Таким образом, мы можем понять, откуда питали силы и получали оружие антироссийские движения, в том числе движение, руководимое Касымовыми.

В свою очередь, командир Отдельного Сибирского корпуса Горчаков 2-й также сообщил, что в 1838 г. действия военных отрядов в Казахской степи могли бы быть гораздо успешнее, если бы он имел при себе людей, способных к выполнению возложенных на них поручений. Одним из немногих таких военных был полковник Горский, которому поручили отряд, отправляемый в Казахскую степь [14, л. 48 об.].

Таким образом, судя по документам, столь крупное восстание стало для российского Военного ведомства неожиданным. Степь была мало известна военным. Приходилось изучать ее на ходу, организовывать разведку, вести рекогносцировку местности. Восстание охватило всю степь вне зависимости от введенного Россией административного деления.

Так, на представление командира Отдельного Сибирского корпуса о необходимости содействия Оренбургского ведомства «к наказанию приграничных племен, кочующих около брода Тайпака», было получено повеление императора Николая I: «для обуздания соумышленников мятежника султана Кенесары Касымова ограничиться со стороны Оренбургской линии отправлением вглубь степи в апреле 1839 года легкого отряда в виде поиска или демонстрации, не вменяя ему в обязанность дойти до брода Тайпака, дав сему движению наиболее возможную огласку» [16, л. 32].

Оренбургский военный губернатор Василий Перовский по полученным им из степи сведениям сообщал императору Николаю I, что два значительных отряда (в документе шайки. — *И.П.*) двух казахских родов, подстрекаемые хивинцами и отложившимися от России казахскими султанами, намерены разграбить выступивший 20 декабря из Орса бухарский караван, и что вообще весной 1839 г. стоит ожидать от взволнованных казахских родов неприятных действий. Поэтому Перовский полагает, что весенний отряд, назначенный в пособие сибирскому отряду, вероятно, будет отвлечен от этой цели. Он вынужден будет обратиться на некоторые роды Оренбургского ведомства — Дюрт-Кара и Чумекей, чтобы остановить вовремя их враждебные намерения [16, л. 33–34].

Выход из сложной ситуации, когда обеспечить российское влияние в степи не удавалось, военная администрация видела в заселении опорных пунктов — пикетов и приказов (административных центров округов) — сибирскими казаками с их семьями. Так, командир Отдельного Сибирского корпуса из-за удаленности и отсутствия местного населения в урочище Актау счел полезным переселить туда часть оставшихся на линии жен и детей нижних чинов, составлявших гарнизон, «дабы продолжительным разделением семейств не лишить их возможности к содержанию, а с другой в намерении оживить это место заведением огородов, хозяйства и мелкой торговли с казахами» [16, л. 47]. На первый раз было переведено из имеющейся в распоряжении генерал-лейтенанта князя Горчакова 2-го экстраординарной суммы пособие 34-м женщинам, к ним он полагал присоединить и остальные семейства. Князь Горчаков 2-й просил императора Николая I согласия на безденежный отпуск поселяемым при Актау женам и детям нижних чинов казенного провианта, по крайней мере, хотя бы на первые три года — до окончательного их обзаведения хозяйством [16, л. 47].

«Невзирая на понесенные поражения в 1839 году, Кенесары с 1840 по 1845 год не переставал тревожить покорных нам киргизов (казахов. — *И.П.*)», — писали российские военные [11, л. 18].

В июне 1839 г. Кенесары Касымов, узнав о движении высланного в степь с сибирской линии отряда, пошел против него, намереваясь разбить сибирских казаков, а потом возвратиться опять в степи оренбургских киргизов для грабежа ордынцев (казахов, не принявших участие в его восстании. — *И.П.*) и линейных жителей. Следуя к сибирским пределам, Кенесары внезапно напал на казахов Оренбургского ведомства и ограбил до 80 аулов. Кенесары также намеревался захватить правителя восточной части Орды Чутая Бактыгереева, сторонника России, но тот за два дня до нападения переменял место своей кочевки и приблизился к Усть-Уйской крепости [11, л. 19].

Как оправдывал Кенесары свои нападения и убийства казахов — сторонников России? Ведь он России войну не объявлял, оставался российским подданным. Это, на наш взгляд, была месть непокорным ему казахам за отказ откочевать за пределы внешних округов и территории, контролируемой Оренбургским генерал-губернатором.

И вот опять речь заходит о необходимости охраны торговых караванов, разграбление которых стало желанной целью мятежа. Так, командир Отдельного Сибирского корпуса Григорий Глазенап информирует военное ведомство: «Мятежники намереваются разграбить очередной бухарский караван, идущий на Троицк. По этим обстоятельствам генерал-адъютант Оренбургский губернатор Василий Перовский счел нужным поспешить с высылкой в степь двух отрядов из 600 человек с двумя трехфунтовыми единорогами каждый; из коих один, соединясь с двухсотенным отрядом султана-правителя средней части Орды Оренбургских киргизов, будет находиться на Илеке, а другой с таким же отрядом султана-правителя Восточной части, выдвинется впереди Новой линии. Назначение этих отрядов состоит в охранении мирных киргизов (казахов. — *И.П.*) от покушений мятежников и наблюдении за их отрядами с тем, чтобы при первом удобстве напасть и рассеять их» [17, л. 5].

Таким образом, и мятежники, и власти считали торговые караваны одной из самых чувствительных точек в противостоянии. Однако последующие сообщения убеждают, что охотой за караванами Кенесары Касымов не ограничивался, ставя перед собой более долгосрочные цели.

В донесениях, поступивших в канцелярию Военного ведомства в ноябре 1839 г., командир Отдельного Сибирского корпуса сообщал, что 8 августа утром «шайка вооруженных хищников, в числе около 60 человек, напала на табун, принадлежавший бывшей на рекогносцировке партии топографа Яновского под прикрытием 23 казаков, и отбила 33 лошади и 8 верблюдов» [18, л. 32].

В этом случае речь идет о, казалось бы на первый взгляд, мелких моментах противостояния, но на самом деле они были характерными. Остановимся на них подробнее. Итак, 22 сентября 1839 г. от наблюдательного поста казаков, расположенного в горах Улытау, отправлена была за дровами команда. Три казака, войдя в ущелье, отделились от своих товарищей и не возвратились к ним в назначенное время. После тщательных розысков на другой день были обнаружены следы двух телег, на которых отправлялись за дровами пропавшие казаки, а вскоре найдены и сами телеги. На недалеком от них расстоянии нашли обезображенное тело убитого казака, следы убийц вели в Оренбургскую степь. Командовавший наблюдательным постом есаул Рыбин, надеясь выявить убийц и отыскать остальных двух казаков, выступил 24 сен-

тября из Улытау с отрядом из 50 казаков и одним конно-артиллерийским орудием [18, л. 33].

Есаул Рыбин повернул на реку Керегетас, впадающую в Кара-Кенгир. Следуя по течению, 1 октября казаки заметили скакавших к отряду 7 всадников, вооруженных пиками. После преследования их казаками двое из семи были схвачены и сознались, что они по приказанию султана Кенесары Касымова участвовали в разбое, произведенном в горах Улытау, а что два захваченных казака представлены самому султану. Есаул Рыбин, продолжая движение к горам Кичитау, нашел табун, в котором узнал лошадей и верблюдов, отбитых от партии топографа Яновского. Он узнал, что табун этот теперь принадлежит Кенесары, аулы которого были расположены неподалеку по речке Дюсюнбай Карачат. Кенесары выслал навстречу казакам вооруженный отряд из 100 человек, который с криком стал окружать казаков, а вскоре появился и сам султан с вооруженной свитой [18, л. 34].

После дарованного императором Николаем I мятежному султану прощения «есаул Рыбин не решился прибегнуть к оружию, требовал только возвращения захваченных казаков и лошадей. На это Касымов отвечал, что никаких переговоров с ним вести не хочет. Из показаний двух кенесаринцев, взятых в плен, стало ясно, что им приказали стараться наносить как можно больше вреда русским» [18, л. 35].

Конечно, сведения Военного ведомства могут показаться ангажированными. Есть и другие свидетельства. К примеру, российский исследователь Николай Аристов сообщает со ссылками на исследования Н.А. Середы, что столкновения с Кенесары в оренбургской степи начались в марте 1839 г. нападением отряда войскового старшины Лебедева на зимовавших на Тургае родственников Кенесары, вследствие слухов о сборах Касыма и Кенесары сделать набег на Оренбургскую линию; было убито до 50 казахов, захвачен один султан и 13 казахов. Вслед за тем Кенесары с тремя тысячами человек разгромил восточных оренбургских казахов. В январе 1841 г. брат Кенесары Куздай от себя и от имени брата письменно просил о прощении, а 7 июня того же года и сам Кенесары просил о помиловании и освобождении задержанных его родных, утверждая, что вынужден был перекочевать в Оренбургскую степь по причине грабежей со стороны сибирских казаков, вследствие наветов султана Ямантая Букеева. Кенесары писал, что готов явиться к оренбургскому начальству. Известившись после того о заключении под стражу дяди его, находившегося в Оренбурге заложником, Кенесары не поехал и стал ходатайствовать об освобождении дяди; в это же время он сделал набег на оренбургских казахов. Выступивший против Кенесары из Орска 10 июня 1843 г. отряд встретил Кенесары с 1500 всадниками; султан объявил, что сам

отправлялся на линию, исполняя волю начальства. Однако в Оренбург он не явился, разграбил мирных чиклинцев и предъявил оренбургским и сибирским казахам требование о признании его ханом и покорности [19, с. 540–541].

В этой связи справедливы, на наш взгляд, доводы барнаульского исследователя Алексея Асеева о противоречивой и непоследовательной политике оренбургских и центральных российских властей в отношении восстания Касымова до 1845 г. [20, с. 22]. Как указывает исследователь, вследствие несогласованности между Омском и Оренбургом восстание оказалось продолжительным и массовым. Только после унификации подходов двух административных центров властям удалось навести порядок. В то же время движение Кенесары оказало значительное воздействие на ход дальнейшей политики России в Казахстане и Средней Азии, способствовало форсированному продвижению России на юг. Проведение активной политики в отношении султана Кенесары потребовало возведения в глубине степей новых опорных пунктов и укреплений, установления политических контактов с владельцами Старшего жуза, манапами Киргизии, кокандскими ханами, вовлекая их в орбиту влияния России [20, с. 22–23].

Выводы

Проделанный на основе архивных материалов анализ военно-политических процессов на территории сопредельной Сибирской пограничной линии в начале XIX в. позволяет представить ряд выводов.

Развитие транзитной торговли со странами Востока оказалось невозможным без административных реформ в Казахской степи, прекративших анар-

хию, массовое скотокрадство и нападения на караваны и, в целом, позволивших ввести здесь российское управление. Главным их проводником стало сибирское казачество. Основным противником интересов России в регионе стала семья наследников хана Аблая — Касымовы. Они выступили против системы внешних округов, за создание фактически независимого от России ханства. Попытки Оренбургского генерал-губернатора Василия Перовского решить ситуацию мирным путем оказались безуспешными. Амнистия, дарованная Николаем I Кенесары Касымову, не остановила его намерений бороться с русской пограничной администрацией, внешними округами, а также оренбургскими и сибирскими казахами и той частью султанов — казахского правящего класса, которые не поддерживали семью Касымовых. Только в 1845 г., когда были построены и заселены казахами новые укрепления в степи Оренбургского ведомства, а 2-й полк Сибирского казачьего войска водворен в опорных пунктах Сибирского ведомства — Атбасаре, Кокчетаве, Акмоле, в горах Улытау и других, стесненный в своих действиях Кенесары окончательно откошел в Кокандские владения и спустя несколько лет погиб во время нападения на Киргизию. После существенного улучшения обороны сибирской пограничной линии спокойствие в части Казахской степи, приписанной к Западно-Сибирскому генерал-губернаторству, было восстановлено. Сибирские казаки сыграли основную роль в упрочении реального российского влияния в Казахской степи. Они не только воевали с Кенесары Касымовым, охраняли караваны, но и поддерживали казахов — подданных России.

Библиографический список

1. Об истоках сибирского казачества // Сибирский вестник. СПб., 1818. Ч. 2. С. 27–52.
2. Копылов В.А., Мимахин В.П., Фабрика Ю. А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1995. 698 с.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2855.
4. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. : сб. документов и материалов. Алма-Ата : Академия наук Казахской ССР, 1961. 746 с.
5. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 гг.). : сборник документов и материалов. Алма-Ата : Академия наук Казахской ССР, 1964. 575 с.
6. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей / под ред. М.К. Козыбаева. Алматы : Санат, 1996. 656 с.
7. Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках : монография. Нур-Султан : КИСИ при Президенте РК, 2019. 480 с.
8. Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Из истории Казахстана XVIII в. (о внутренней и внешней политике Аблая). Алма-Ата : Наука, 1988. 144 с.
9. Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы : Гылым, 1998. 280 с.
10. Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40 годы XIX века. Алма-Ата : Қазақ университеті, 1992. 400 с.
11. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1 Д. 6013.
12. Дубицкий А.Ф. Скрижали истории. Краеведческие заметки. Целиноград : Целиноградское изд-во, 1992. 46 с.
13. Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западносибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. Омск : Типография окружного штаба, 1891. 271 с.
14. РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 1569.
15. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12188.
16. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12187.
17. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12192.

18. РГВИА. Ф.1 Оп. 1. Д. 13550.
19. Аристов Н. А. Усуни и кыргызы или кара-киргизы. Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек : Илим, 2001. 582 с.
20. Асеев А.А. Политика России в отношении восстания Кенесары Касымова 1837–1847 гг. (региональный аспект) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 23 с.

References

1. On the Origins of the Siberian Cossacks. *Siberian Bulletin*. St. Petersburg, 1818. Part 2. P. 27–52. (In Russ.).
2. Kopylov V.A., Mimakhin V.P., Fabrika Yu. A. *Siberian Military District. The First Pages of History*. Novosibirsk: Zap.-Sib. Book Publishing House, 1995. 698 p. (In Russ.).
3. *Russian State Military Historical Archive* (RGVIA). F. 1. Op. 1. D. 2855. (In Russ.).
4. Kazakh-Russian Relations in the 16th–18th Centuries. *Collection of Documents and Materials*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1961. 746 p. (In Russ.).
5. Kazakh-Russian Relations in the 18th–19th Centuries (1771–1867). *Collection of Documents and Materials*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1964. 575 p. (In Russ.).
6. Levshin A.I. *Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaysak Hordes and Steppes*. Ed. by M.K. Kozybayeva. Almaty: Sanat, 1996. 656 p. (In Russ.).
7. Khafizova K.Sh. *Steppe Rulers and Their Diplomacy in the 18th–19th Centuries*. Monograph. Nur-Sultan: KISI under the President of the Republic of Kazakhstan, 2019. 480 p. (In Russ.).
8. Suleimenov R.B., Moiseev V.A. *From the History of Kazakhstan in the 18th Century (on Ablai's Domestic and Foreign Policy)*. Alma-Ata : Nauka, 1988. 144 p. (In Russ.).
9. Andreev I.G. *Description of the Middle Horde of the Kirghiz-Kaysaks*. Almaty: Gylym, 1998. 280 p. (In Russ.).
10. Bekmakhanov E. *Kazakhstan in the 20-40 Years of the Nineteenth Century*. Alma-Ata: Kazakh University, 1992. 400 p. (In Russ.).
11. RGVIA. F. 1. Op. 1 D. 6013. (In Russ.).
12. Dubitsky A.F. *Tablets of History. Local History Notes*. Tselinograd: Tselinograd Publishing House, 1992. 46 p. (In Russ.).
13. Putintsev N.G. *Chronological List of Events from the History of the Siberian Cossack Army since the Establishment of the West Siberian Cossacks in the Territory They Now Occupy*. Omsk : Printing House of the District Headquarters, 1891. 271 p. (In Russ.).
14. RGVIA. F. 405. Op. 6. D. 1569. (In Russ.).
15. RGVIA. F.1. Op.1. D. 12188. (In Russ.).
16. RGVIA. F.1. Op. 1. D. 12187. (In Russ.).
17. RGVIA. F.1. Op.1. D. 12192. (In Russ.).
18. RGVIA. F.1 Op.1. D. 13550. (In Russ.).
19. Aristov N. A. *Usuni and the Kyrgyz or Kara-Kirghiz. Essays on the History and Life of the Population of the Western Tien Shan and Research on its Historical Geography*. Bishkek: Ilim, 2001. 582 p. (In Russ.).
20. Aseev A.A. *Russia's Policy Towards the Uprising of Kenesary Kasimov in 1837-1847(Regional Aspect)*. Abstract for the Degree of Candidate of Historical Sciences. Barnaul, 2004. 23 p. (In Russ.).

Информация об авторе:

И.Р. Прохоров, кандидат исторических наук, архивист, Национальный архив Республики Казахстан, Астана, Казахстан.

About the author:

I.R. Prokhorov, Candidate of Historical Sciences, Archivist, National Archive of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan.